
РОССИЙСКИМ АНТРОПОЛОГАМ ЧАСТО НЕДОСТАЕТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭРУДИЦИИ

Беседа с А. М. Буровским

– Чем, на Ваш взгляд, обусловлена удивительная живучесть теории, объясняющей экологический кризис верхнего палеолита исключительно климатическими изменениями, когда накоплено столько фактов, демонстрирующих решающую роль человека? Показано, что мегафауна успела пережить в плейстоцене не менее двадцати глобальных климатических циклов, что перепромысел (*overkill*) был характерен для всех регионов обитания охотников, а в ряде регионов крупные животные (например, мамонты на острове Врангеля) продолжали существовать еще несколько тысячелетий, пока туда впервые не добрались люди, и т. д. Наконец, расчеты не оставляют сомнений в том, что несколько миллионов охотников-собирателей и без того перекрыли потолок несущей способности Земли. Что же кроме инерции и амбиций питает упорство приверженцев «климатической» гипотезы?

– То, чем ученые занимаются профессионально, – лишь маленький фрагмент мировоззренческого поля, в котором они живут и частью которого являются. И, конечно же, ученые руководствуются не только чисто рациональными мотивами. В советской литературе «про ученых» часто обсуждался конфликт ученика, который во имя истины вынужден идти против учителя. Конфликт и правда очень непростой. Но, на мой взгляд, намного чаще и намного жестче другой конфликт: когда ученый сталкивается с тем, что противоречит культурной или религиозной установке. Это очень сильная фрустрация, знаю по себе и по своим друзьям.

Можно привести много очень ярких, очень значимых для науки примеров. Хотя бы утверждение гелиоцентрической системы. Каноник Николай Коперник вовсе не боялся преследования инквизиции или недовольства папы римского. Эти страсти приписали ему много позже не особенно добросовестные «борцы с религиозным дурманом».

Но пойти против авторитета... страшно сказать... авторитета самого Птолемея! И тем самым пойти против множества хороших, умных, по заслугам уважаемых людей (а они ведь, даже признав

твою правоту, будут сильно огорчены). Начать пересмотр тех установок, в которых воспитывался, учебников, по которым учился. Утверждать, что Земля вращается вокруг Солнца, значило замахнуться на тот мир, в который пришел маленький Ника десятки лет назад. Если он, уже взрослый и даже не очень молодой епископ города Торуня, прав, то отношение людей к миру должно измениться. Так же будет светить Солнце и будут меняться времена года, будет такая же рябь на воде и такие же закаты, но отношение к миру *после* его исследований никогда не будет таким же, каким было *до* этого.

Вот и ответьте на вопрос: легко ли «хоронить» мир, в который тебя привели и в котором ты прожил всю жизнь? Причем ведь чем сильнее ты любишь тех, кто тебя в мир привел, кто тебя учил и кому ты обязан своим нынешним положением, чем сильнее ты любишь сам мир и чем тебе в нем комфортнее, тем сильнее конфликт.

Так же трудны были решения Чарльза Дарвина и Зигмунда Фрейда, Альберта Эйнштейна и Александра Фридмана, и множества других, менее известных первооткрывателей.

До сих пор существует своего рода «загадка Рудольфа Вирхова». Великий человек, основатель нескольких направлений в биологии и в медицине, человек, при упоминании которого у медиков появляется уважительное выражение на лицах. Но этот без преувеличения великий ученый прилагал громадные усилия, чтобы не развивалась археология палеолита и теория антропогенеза. Он произносил ритуальные фразы о необходимости развивать археологию первобытности, но он же объявил теорию изменчивости видов «бредом недоучек», а костяк человекоподобного существа из долины реки Неандер объявил скелетом «дегенеративного казака», который во время кампании русской армии во Франции был ранен, заполз в пещеру и умер. Своим колоссальным (и прошу заметить, вполне заслуженным) авторитетом Вирхов препятствовал развитию антропологии.

Кстати, это классический пример фрейдовского «комплекса»: борьба «сознания» и «подсознания». Сознательно – хотел изучать раннюю историю человека, современника животных плейстоцена, хотел знать, как шло биологическое и социальное становление человечества. Подсознательно – прилагал все усилия, чтобы это не стало известным, чтобы неизменными оставались представления о мире, в которых Вирхов был воспитан.

Сегодня происходит то же самое. Не будем лицемерить, объявляя теорию вымираний нейтральной по отношению к мировоззре-

нию. Эта теория заставляет серьезно изменить наше отношение и к эволюции, и к самим себе, и к истории наших предков. Если человек истребил мегафауну (животных тяжелее 1 тонны) конца плейстоцена, нам приходится изменять многие уже ставшие традиционными представления о ходе глобальных геологических и климатических процессов. Нам приходится вообще пересматривать роль человека, в том числе «примитивного», вооруженного самыми простыми орудиями, в формировании фаун, климатов, ландшафтов. Особенно если мы принимаем тезис о перестройке ландшафтов северной Евразии, обеих Америк и Австралии после исчезновения мегафауны. Получается, что вся история человечества разворачивалась в обедненных ландшафтах, продуктивность которых могла бы быть намного выше, если бы не деятельность первобытного человека.

Но и это еще не все. Если охотники способны были истребить целые виды – причем наиболее продуктивные, ценные, формирующие ландшафты, наиболее пригодные для одомашнивания, – изменяется наше отношение к первобытному человеку и всей истории первобытности. Получается, что человек уже десятки тысяч лет играл деструктивную роль в биосфере Земли.

Приходится признать и процесс эволюции морали, ценностно-нормативных систем, т. е. психологическую эволюцию человека. А это трудно после многократных повторений-заклинаний, что человек не изменялся с момента появления вида *Homo sapiens*. Примитивный эволюционизм сумел победить религиозную картину мира. Теперь на место примитивного эволюционизма выходят уже не теория эволюции внешних форм организации общества и не эволюция «средств производства», а эволюция культуры, гипотеза техно-гуманитарного баланса, исторически изменявшийся индекс приемлемости физического насилия и другие гипотезы, объясняющие эволюцию сознания (вероятно, и подсознания).

Причину «удивительной живучести теории, объясняющей экологический кризис верхнего палеолита исключительно климатическими изменениями», я вижу в том, что альтернативная теория заставляет изменить мировоззрение современного образованного человека, и в том числе профессионального ученого.

Сведений о множестве больших и маленьких «оверкиллов» накоплено очень много. Это не только сверхистребление животных конца плейстоцена. В различных «оверкиллах» уже эпохи голоцена по одной и той же схеме действовали люди разных народов, принадлежащие к разным расам и языковым группам. Мамонты на

острове Врангеля уничтожены предками эскимосов в III тысячелетии до н. э. Слоны на Переднем Востоке – арамеями и ассирийцами во II тысячелетии до н. э. «Охотники на моа» в Новой Зеландии – меланезийцы, современники домината и крушения Западной Римской империи (V–VII века н. э.). Стеллерову корову у побережья Северной Америки истребили предки алеутов, современники европейцев Средних веков (последние находки костей стеллеровой коровы в кухонных кучах датируются XV веком). А «добили» стеллерову корову русско-алеутские промышленники в XVIII веке на необитаемых до того времени Командорских островах.

Примеров невероятно много. Если этого не хотят признать, то не на основании каких-то рациональных аргументов. Спротивление идет на эмоциональном уровне. «А вот не хотим, чтоб было так, – и все тут!»

– Знакомы ли Вам серьезные антропологи, которые бы в начале XXI века продолжали настаивать на превосходстве архаических ценностно-нормативных систем над ценностями и нормами современных культур западного типа?

– А что такое «серьезные антропологи»? Чем они отличаются от «несерьезных»? Ольга Артёмова – доктор наук, профессор. В некоторых деталях своего предмета она компетентна. Ученых такого ранга довольно много.

Скорее можно говорить о том, что «романтики», отстаивающие превосходство архаики над цивилизацией, чувствуют себя все менее уверенно. Они уже не создают научных теорий, предлагаемых студентам в виде универсальных объяснений истории, не формируют общественного мнения.

Так же в свое время сторонники религиозной парадигмы вовсе не исчезли, и среди них было немало вполне «серьезных» ученых. Но эти «серьезные» или работали вне религиозной парадигмы, как аббат А. Брейль, или, к ужасу единомышленников, создавали вполне эволюционные теории, как П. Тейяр де Шарден (чье учение было католической церковью запрещено, а сам он чуть не угодил в еретики). Прошло время религиозных мыслителей класса Фомы Аквинского или Роджера Бэкона.

То же и с постмодернистской парадигмой. Ученые, внешне приверженные постмодернизму, есть, – но если они создают новое знание, то уже не в рамках постмодернизма. После Первой мировой войны современники революций и гражданских войн утверждали ценность архаичных ценностно-нормативных систем над цен-

ностями цивилизованного человечества. Их слушали люди, остро переживавшие духовный и нравственный кризис цивилизации. Сейчас у постмодернистов-романтиков все меньше слушателей, а их теории звучат все менее убедительно. Думаю, противников эволюционного понимания истории среди «серьезных» ученых не останется или почти не останется через поколение...

– Чем же сегодня можно объяснить такое романтическое представление о прошлом? Слабым знанием истории? Издержками доведенной до абсурда «политкорректности»? Истерическим страхом перед современными проблемами? Своего рода «цивилизационным мазохизмом» – невротической тягой к самобичеванию (развенчанию собственной личности, своего времени, своей культуры и т. д.)? Могли бы Вы указать достоверные факты, получающие более убедительное объяснение в рамках романтической модели истории, чем в рамках эволюционной модели?

– Всегда можно найти отдельные факты, подтверждающие практически любую гипотезу. Поскольку одноногих людей не так уж мало, можно привести серию примеров, вплоть до семей, в которых у каждого из супругов только по одной ноге. И создать теорию, согласно которой человек по своей природе – одноногое существо.

Точно так же можно привести немало примеров того, как дикари оказывались отзывчивее, добрее, гуманнее европейцев, например когда потерпевших крушение летчиков спасали нганасане или североамериканские индейцы. Заметьте – все это дикари, жившие в малонаселенных холодных областях, где ценность вообще всякого человеческого существа намного выше, чем в теплом климате. И можно не обращать внимания на то, что такие же первобытные люди, но жившие в других природных условиях, были совершенно равнодушны к потерпевшим крушение больным и раненым пришельцам или просто съедали их.

Или можно вырвать из контекста какую-то сторону жизни первобытных людей. Многих европейцев просто очаровывает привычка индейцев Южной Америки держать у себя детенышей различных животных. Этнографы порой объясняли это глубоким экологизмом сознания индейцев, их осознанием родства между собой и животными и т. д. В таких случаях не обращают внимания ни на то, что все эти детеныши взяты у убитых индейцами матерей, ни на то, что живая игрушка для детей – одновременно и «живые консервы». Как только животное вырастет или как только охота будет неудачной, очаровательного детеныша съедят.

Таких фактов в подтверждение романтической модели можно найти очень много. Вопрос: а какова цена отдельным фактам, взятым вне системной модели? И что заставляет вроде бы серьезных ученых вести полемику так несерьезно: возражать на системные концепции приведением отдельных фактов, фрагментов первобытной культуры?

Думаю, что сказываются *все* отмеченные Вами факторы. И истероидное самоотрицание людей западной цивилизации – сродни такому же самоотрицанию части русской интеллигенции в конце XIX века. И страх перед любым сколько-нибудь масштабным обобщением. И мания «политкорректности», страх создать иерархию культур. Не только «внутренний» страх, но и вполне даже «внешний»: страх перед обвинениями в расизме, фашизме и т. д. Сказывается и «террор среды»: все так думают... выступать против мнения «всех» крайне трудно.

Но сказанное касается тех, у кого сформировалось или начало формироваться некое мнение, отличное от «романтического». А у россиянина такая возможность ограничена.

Во-первых, кроме МГУ, СПбГУ и 2–3 крупнейших провинциальных университетов, преподавание гуманитарных дисциплин в России ведется по учебникам и программам, отставшим от современности на 20–30 лет. Таков отечественный «мейнстрим». Во-вторых, до сих пор многие тексты, в том числе исследования этнографов, основополагающие статьи и книги культурологов и философов, не переведены. При слабом знании основных европейских языков человек просто не может ознакомиться с альтернативной или более современной точкой зрения. В-третьих, при попытках идти против мейнстрима «неуживчивый» коллега, нарушающий традицию, сталкивается с достаточно бесцеремонной критикой, а исторических знаний и аргументов для конструктивной полемики антропологам часто не хватает.

Поэтому основной причиной «романтического» представления о древней и первобытной истории в России остается обыкновенное невежество...

«ИПСИ» предлагает ответить на те же вопросы заинтересованных историков, антропологов, социологов, психологов и ученых иных специальностей, подтверждая или опровергая мнение нашего первого респондента.